

Сундиев Игорь Юрьевич —

вице-президент Российской криминологической ассоциации, доктор философских наук, профессор.

Фролов Андрей Борисович —

генеральный директор ООО «Айскрин», академик МАРЭ, автор-разработчик систем психофизиологического мониторинга.

Igor' Yu. Sundiev —

Russian Criminological Association.

Andrey B. Frolov —

“AYSKRIN” LLC.

УДК 316.62

DOI: 10.33917/es-7.165.2019.124-133

Во второй части работы анализируются новые информационно-смысловые методы социальной деструкции, имеющие более высокий уровень сложности по отношению к традиционным формам: горячим, холодным войнам, а также различным формам гибридной войны.

Отличие войн нового рода заключается в управлении информационно-когнитивными процессами: в формировании с помощью глобальной цифровой платформы так называемой суперпозиции: программирования восприятия и оценки того или иного социального события.

Использование новых методов деструкции блокирует процессы регуляции социальных систем, дезорганизует работу институциональных структур, выступая как организационное оружие. Опасность войны суперпозиций как «войны Шредингера» заключается в практически бесконечной вариабельности изошренных методик деструкции, их малозаметности и высокой эффективности, достигаемой за счет наложения внешнего контура информационного управления, а также использования специфики мерцательной субъектности — когда объекты и субъекты войны постоянно меняются местами.

Авторы постулируют, что тактическое и стратегическое противодействие в войне суперпозиций может быть организовано только на основе научной методологии, имеющей соответствующий уровень сложности, то есть на платформе социального государства.

Ключевые слова

Сингулярность, глобальная цифровая платформа, уровень сложности, энтропия, автомодельный аттрактор, социальная деструкция, информационно-когнитивные технологии, суперпозиция, метарегулятор.

Управление суперпозицией в информационно-когнитивных процессах (инвариантность методов деструкции социума)

В предыдущей части статьи отмечалось, что общий вывод, который делается в большинстве научных работ о будущем социума, заключается в том, что старые модели исчерпали свой потенциал развития, и добавление к ним «черных шаров» и «черных лебедей» в целом картину не проясняет, а еще больше запутывают. При этом, рассуждая об исчерпанности настоящего, мало кто готов говорить о грядущем.

Показательно, что доклад Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2019 г.) был посвящен обсуждению распада традиционных структур социума и преодолению неясности: кто и в соответствии с каким проектом станет «соби-

Продолжение. Начало см. в № 5/2019, с. 70–81

рать» будущее [1]. Фактически признано, что нынешний миропорядок («зомби-капитализм») существует за счет деструкции, поэтому время его существования ограничено. При этом отмечалось, что информационно-смысловое воздействие используется как основной метод разрушения (блокирования развития) — для консервации сложившегося миропорядка [2].

Поскольку человек и социум являются субъектами, формирующими результат происходящего в настоящее время квантового перехода («сингулярности») от зоопопуляции к психосоциальной формации, разрушающее воздействие направлено адресно против них — против челове-

Management of Superposition in Information-Cognitive Processes (Invariance of Methods of Destruction of Society)

The second part of the work analyzes new information-semantic methods of social destruction, which have a higher level of complexity in relation to traditional forms: hot, cold wars, as well as various forms of hybrid wars.

The difference between wars of a new kind is in the management of information and cognitive processes: in the formation of the so-called superposition with the help of a global digital platform: programming the perception and evaluation of a social event.

The use of new methods of destruction blocks the processes of regulation of social systems, disorganizes the work of institutional structures, acting as an organizational weapon. The danger of war of superpositions as “war of schr dinger” is almost infinite variability of sophisticated methods of destruction, their stealth and high efficiency achieved by imposing the external contour of information management, as well as the use of the specifics of shimmering subjectivity — when objects and subjects of war are constantly changing places.

The authors postulate that the tactical and strategic counteraction in the war of superpositions can be organized only on the basis of scientific methodology, which has an appropriate level of complexity, that is, on the platform of the social state.

Keywords

Singularity, global digital platform, level of complexity, entropy, self-similar attractor, social destruction, information and cognitive technologies, superposition, meta-regulator.

➤ Фактически признано, что нынешний миропорядок («зомби-капитализм») существует за счет деструкции, поэтому время его существования ограничено.

ка не как биологического вида, а как оператора информационно-когнитивных конструкторов высокого уровня сложности.

Причиной направленной деструкции социума является тот факт, что с точкой сингулярности уникально совпадает точка бифуркации, и малейшая вероятность прохождения альтернативных вариантов постсингулярного развития порождает «битву сингулярностей» [3]. Против закономерного исторически обусловленного наступления нравственной сингулярности ведут борьбу альтернативные аттракторы — за преобладание в следующем метасистемокванте развития мироздания. Для социума таким альтернативным аттрактором становится «метарегулятор» (информационно-смысловое функциональное построение высокого уровня сложности), имеющий надсоциальный и надличностный уровень организации: классическая патологическая система¹, программирующая сверху вниз деятельность различных индивидов и социальных групп, деятельность, направленную на консервацию сложившегося миропорядка («зомби-капитализма»). В отличие от типовой архитектуры каждой функциональной системы (ФС) метарегулятор не работает «против энтропии» (норма), а увеличивает энтропию через направленные деструктивные процессы (патология).

Метарегулятор занимает «пограничный» уровень системной организации как раз между масс-кинетическими и информационно-смысловыми системными построениями: вот почему он, разрушая социум, не имеет при этом «конкретной фамилии, имени и отчества»: естественно, отдельные индивиды как субъекты социума задействуются метарегулятором, то есть сами начинают выступать в качестве объектов и субъектов деструкции. Нагляднее всего метарегулятор можно представить как чайный гриб, плавающий поверх сладкого питательно раствора и изменяющий его кислотно-щелочной баланс для продолжения своего существования.

В предыдущей части работы это сложное патологическое явление было обозначено как «война

Шредингера», когда уничтожение социальных структур ведется не масс-кинетическими способами (горячие войны), не в процессе идеологическо-пропагандистской холодной войны или гибридной войны (сочетание кинетических и информационных факторов), а в ходе информационно-смысловых войн, когда высокий (надсоциальный, надличностный) уровень сложности, обеспечиваемый глобальной цифровой платформой, позволяет управлять квантовой суперпозицией, то есть «назначать» тому или иному социальному событию то или иное смысловое значение, необходимое оператору (метарегулятору).

Если прежние форматы войн были направлены на уничтожение субъектов и объектов социума, то «война Шредингера» нацелена на патологическое перерождение самого социума, изменение исторически сложившейся и закрепленной в нормах морали мотивационно-потребностной базы. «Выворачивание» пирамиды потребностей А. Маслоу приводит к инверсии нравственных полюсов (рис. 1) — социум начинает меняться под воздействием патологического метарегулятора (надсоциальной патологической системы). То, что осуждалось и было для общества безнравственным и аморальным (воспринималось как препятствующее развитию), выставляется и прививается («продавливается» и закрепляется институционально) как норма поведения. Например, мерилom успеха (не только статуса и ранга, но и как бы условной «полезности» для развития общества) становится исключительно денежный эквивалент («бабло есть добро»), легко измеряемый количественный показатель успеха — причем в любой области социальной деятельности («что же ты такой бедный, если такой умный?»). Поклонение золотому тельцу в условиях кризиса перепроизводства и «символической» себестоимости продукции сложных переделов — не только признак примитивизации социальных отношений, но и признак провала в Инферно, движения в сторону, противоположную системогенетическому развитию.

Необходимым фоновым режимом для ведения «войны Шредингера», обеспечивающим необходимый уровень конфликтности в социуме, является искусственное неравенство — разделение социума по критерию доступности материальных благ, образования и воспитания, медицины и экологичного жилья. Поскольку формально достигнутый уровень удовлетворения витальных потребностей выступает в качестве

базового для основной части населения и находится на грани этого искусственно созданного неравенства — «минимум миниморе» (гарантированно обеспечивается современными технологиями автоматизации и логистики при задействовании глобальной цифровой платформы) — это позволяет метарегулятору управлять конфликтом между народными массами и элитами, временно консервируя сложившийся миропорядок за счет деструкции социума. При этом в качестве «тонущих „Титаников“» на региональных уровнях возникают «зоны ментальных провалов» — специфические территориальные анклавов, которые начинают регулироваться патологическими системами как дизонтогенетическими факторами [4] (системообразующим фактором становится не социальное строительство, а деструкция ранее созданных структур, при этом ресурсная «запитка» для обеспечения жизнедеятельности осуществляется за счет «проедания» созданных ранее ресурсов); яркие примеры — социальная деструкция Украины и феномен территориального образования ИГИЛ.

Каждый такой «ментальный провал» позволяет еще на какое-то время продлевать существование глобального миропорядка (зомби-капитализма), погружая в инферно целые регионы: патологические системы программируют «ретро-

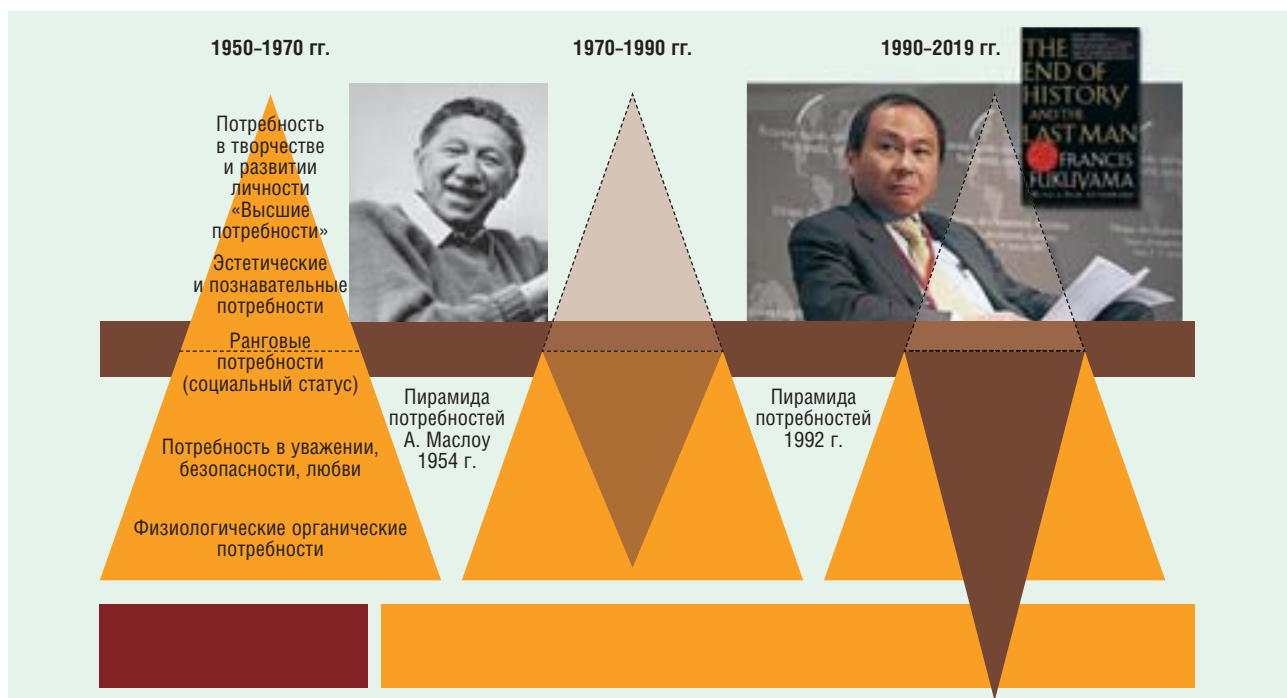
➤ Разрушающее воздействие направлено адресно против человека не как биологического вида, а как оператора информационно-когнитивных конструктов высокого уровня сложности.

градные формы поведения»², которые воспроизводят в форматах «психических эпидемий» устаревшие формы социальной регуляции: элементы феодализма, рабовладения, работорговли, сексуальное рабство, наемничество, разграбление городов, публичные казни, «люстрации» и т.д. [5].

Типология «войны Шредингера» не ограничивается множеством наблюдаемых и известных деструктивных проявлений, однако на ее наличие всегда укажет «каузальный диссонанс» — нарушение в сознании человека связей между причиной и следствием (закрепленных ранее в культуре и науке) — и сам конечный деструктивный результат, блокирующий нормальную регуляцию социума. Там, где происходят каузальные «нестыковки» (модный термин — «разрыв шаблона»), всегда можно найти следы направленных

Рисунок 1

Структура пирамиды потребностей А. Маслоу и ее трансформация под действием патологического метарегулятора (патологической системы) — «конец истории» как «выворачивание» наизнанку и инверсия ее полюсов

деструктивных воздействий с более высокого уровня системной организации. Деструктивный результат достигается также за счет синергетического эффекта (амплификации) различных информационно-смысловых *надсоциальных* методов воздействия: сегодня одних — завтра других (методика окон Овертона свое отработала, но появляются новые, еще более деструктивные, еще более изощренные).

Социально значимые явления начинают оцениваться не в нравственной «системе координат» (что есть добро, а что — зло), а по критериям *пригодности для обоснования управленческих решений и удобства институционального (законодательного) регулирования*. «Правильным» становится не нравственное поведение (направленное на социальное строительство), а лояльное, то есть «деланное», лживое. Пример такого «новаторства» — «социальный скоринг» как «конец приватности» в виде тотального цифрового контроля (цифровая экономика, цифровая медицина, цифровое образование — «цифровой концлагерь»), который постепенно блокирует механизмы развития социума, подавляя творческие способности человека.

Внешний жесткий поведенческий каркас, наложенный на социальные группы, не сможет заменить внутреннего потребностно-мотивационного блока личности, обеспечивающего социальное развитие общества. Современный социум, заключенный в жесткий «цифровой каркас», может утратить творческий потенциал — ни мыслителей-ученых, ни писателей, ни инженеров, учителей, врачей. Он обречен на стагнацию и вымирание (показательный при-

мер — «ребрендинг» литературных и художественных произведений, фильмов, технических устройств). Цель «социального скоринга» проста: в пределе — *унификация, стандартизация и ритуализация*. Если ранее «золотым фондом» системогенетического развития можно было считать «пассионариев» — «лиц, желающих странного» (наделенных достаточной психофизиологической энергией для слома устаревших форм социальной структуры и последующего социального строительства), то сейчас практикуется уже не столько «канализация» пассионариности (например, борьба с ветряными мельницами в «обществе транспарентной демократии»: протесты, обсуждения, слушания, прения, судилища, волонтерство), сколько введение жестких поведенческих ограничений: выход за означенную черту означает «выпадение» из социума (или, как вариант, дауншифтинг).

Одним из распространенных способов деструкции в контексте «войны Шредингера» является вброс фейков и «химер» (своеобразных «патологических зародышей») в информационное пространство. Квантовая суперпозиция фейка — это всегда воздействие с более высокого уровня (глобальная цифровая платформа имеет надсоциальный уровень организации).

Фейки и «химеры» как неспецифические информационно-смысловые конструкты «долго не живут», поскольку они незамедлительно начинают отторгаться механизмами саморегуляции социальной системы³: «...понятно, что не все вброшенные ментальные вирусы „взлетают“. <...> Именно из-за невысокого процента удачных вирусов мы видим ежедневно мощный поток фейков, вбросов, „новостей“, которые опровергаются через пару часов или пару дней — это идет постоянный посев вирусов-кандидатов. <...> Конечно, наиболее эффективны не чисто виртуальные, а гибридные вирусы, соединяющие офлайновые и онлайновые элементы. <...> Дело тут в том, что про реальное событие, быющее по нервам, гарантированно узнают практически все, СМИ об этом позаботятся. А уж медийно обработать его, повернуть, подать — уже проще. <...> иммунитета к мозговым вирусам у человека в среднем — нет. Средний человек беззащитен перед профессионалами. Средний человек честен и доверчив. Нормальное состояние человека, как его создал Бог, — доверие, а не подозрительность» [7].

Одно из характерных проявлений «войны Шредингера» — не только фальсификация истории (как один из ведущих методов гибридной

войны), но и тотальная «зачистка» культурно-исторического наследия как такового — уничтожение памятников культуры (рукописей, библиотек, полотен, скульптур, икон, фресок, витражей, памятников, архитектурных сооружений), растаскивание по личным коллекциям ценных артефактов и их последующая подмена в музеях муляжами, наконец рынок торговли самими артефактами (свежий пример — торговля предметами искусства с театров военных действий во время войны в Сирии, например из Пальмиры).

Если для гибридной войны была характерна только лишь фальсификация истории с целью получения дополнительных «аргументов» в борьбе между глобальными и региональными элитами, то в «войне Шредингера» происходит повсеместная тотальная зачистка истории как таковой: лишение не только национальной истории, но и истории вообще — разрушение «исходника» для дальнейшего развития человечества. Этот деструктивный тренд проявляет себя «мультипараметрически» — от «унификации» архитектурного облика современных городов до глобальной стандартизации учебных программ (единого шаблона «объяснения» исторических событий). К.В. Семин в аналитическом видеоматериале «ЧерноНЕбыль», посвященном сериалу «Чернобыль», отмечает: «То есть, понимаете, неважно, что было в реальности. Важно, что поставлено в театре или напечатано в книге <...> дескать, я художник, я так вижу. Нет, это не художественный вымысел. Это идеологическое оружие, каковым является и сериал „Чернобыль“. Как выглядит потенциальная жертва такого оружия? Да вот так. Люди, родившиеся через двадцать лет после Чернобыля, прошедшие через систему ЕГЭ, не будут утруждать себя изучением настоящих источников. Им достаточно того, что для них состряпало НВО» [8].

Интересной «дизайнерской находкой» является «ротация памятников» — установление «новых» взамен «старых», или, как вариант, необоснованное переименование социально значимых объектов — улиц, городов, аэропортов. Но главная задача — это полная ликвидация исторического наследия: «Война с памятниками — тайная или открытая — модный политический тренд. Он захватывает все новые страны „победившей демократии“. <...> В свете этих печальных событий катастрофический пожар Нотр-Дам-де-Пари тоже выглядит вполне „в тренде“. Неважно, умышленный это был поджог или преступная халатность. Глобалистская верхушка, умело натравли-

➤ Глобалистская верхушка, умело натравливая своих ручных «активистов», просто выжигает историческую память народов.

вая своих ручных „активистов“, просто выжигает историческую память народов» [9].

Еще один специфический компонент «войны Шредингера» — использование организационного оружия [10]: организационный «джампсейшн» как непрерывный поток неотложных дел — бесконечные реорганизации, стандартизации, концепции, инновации, цифровизации, реновации, оптимизации «выматывают» граждан и не дают им заниматься главным — социальным строительством («бумажное» движение, «чтоб не нарушать отчетности»). Постоянный «пожар в курятнике», когда нужно куда-то бежать, что-то решать, все время быть занятым «делами» и при этом испытывать пиковые стрессорные нагрузки, приводит к смещению пограничных психофизиологических состояний от нормы к патологии — к увеличению аварийности и травматизма (авиакатастрофы, техногенные катастрофы, несчастные случаи на производстве), а также к расширению спектра и росту числа психосоматических заболеваний⁴. Отличать «в суматохе дней» главное от второстепенного (что есть социальное строительство, а что — нет) человеку все сложнее: информационный «белый шум» имеет настолько высокую интенсивность, что становится неотличим от сигнала «поднесущей частоты», на которой «циркулирует» информация, связанная с регуля-

➤ «Война Шредингера» — война «не человеческая», это «анти-популяционная» стадия информационной войны, это адресная деструкция.

цией социума как системного построения (индивиды способны выделять и воспринимать такие сигналы, поскольку имеют к ним специфическую афинность⁵). «Глушилка» воспроизводит фрактальные стохастические размерности (работает в режиме «самоподобия») — «все одно и то же», «ничего нового», «везде все плохо», «куда ни кинь — везде клин», «Интернет есть, а счастья нет», — снова и снова зацикливая деятельность социума по горизонтали, не давая вырваться на «вертикаль» (С.П. Капица подчеркивал, что в развитии система всегда проявляет себя через экспоненциальный рост показателей как „ n^2 “ — как асимптота, то есть „сингулярность“) (рис. 2) [12].

Искусственное изменение форматов (стандартов) институционального регулирования под благовидным предлогом улучшения качества управления («навести, наконец, порядок!»), навязываемое *метарегулятором*, может приводить к противоположному результату — к дезорганизации различных государственных структур: «Национальные стратегии — изобретение не российское: так выглядит широко распространенная калька глобального переформатирования систем и институтов национальных государств. <...> Алгоритм такого переформатирования прост и надежен: национальное государство подписывает некий международный документ, затем „во исполнение международных договоренностей и обязательств“ принимает национальную стратегию и на ее основе созда-

ет национальный план, в рамках реализации которого реформируется законодательство, принимаются регламенты, создаются информационные кампании, меняется общественное сознание» [13].

Следует подчеркнуть, что все бесконечные в пределе вариации методик «войны Шредингера» воздействуют на человека не «внешне», а «внутренне», усиливая конфликт между формальным — институциональным регулированием социальной жизнедеятельности (а большинство вменяемых граждан законопослушно — это «внутренняя» психосоциальная потребность) и индивидуальным поведением — удовлетворением высших личностных потребностей в развитии через естественное проявление элементов пассионарного поведения (различной степени выраженности). Законодательное регулирование выстраивается так, чтобы индивид испытывал постоянное внешнее давление, входил в «каузальный диссонанс» (из-за конфликта между внешним регулированием и внутренними потребностями как *источника хронического эмоционального стресса*), «по умолчанию» отождествляя себя самого с «потенциальным нарушителем»: «а, может, я преступник, потому что осуждаю гомосексуалистов и при этом еще и курю?»

В плане интуитивного поиска новых соответствующих форм регуляции социальных отношений в условиях «войны Шредингера» иллюстративно протестное движение «желтых жилетов» во Франции и в Европе. Наряду с уже ставшей классической «горизонтальной» формой сетевой организации протестов (мобилизация и координация через интернет-сети) начинает доминировать «вертикальная» информационно-смысловая составляющая как борьба суперпозиций («точек зрения») народных масс и элит. Используя принцип *умеренной конфликтности*

Рисунок 2

Фрактальная размерность — траектория системы уравнений Ресслера в координатах $x - y - z$ при значениях параметра b . $b = 4.233$ и визуально подобное изображение архетипического образа змея-уробороса, пожирающего самого себя. Он символизирует разрушение социума через «зацикливание» по «самоподобию». С.П. Капица рассказывает о закономерностях развития сложных систем: « n^2 » как признак и закономерность развития, разрывающих «зацикливание по горизонтали»

(избегание избыточной радикализации), «жилеты» предлагают элитам и правительству *договориться о коррекции социального устройства в пределах имеющегося правового поля, а именно «сдвинуть» обратно искусственно завышенную границу неравенства* (интересно, что и сам символ — желтый автомобильный жилет — выбран по означенному смысловому признаку: «нас необходимо замечать, с нами необходимо считаться»). Попытки избыточной радикализации «мероприятий» — как «внешние», со стороны элит (представить движение «жилетов» как экспорт «цветной революции»⁶), так и «внутренние» (попытки пассионарных молодых людей громить витрины в Париже, повторяя «подвиги» их родителей в мае 1968 г. — «иначе они вас не услышат!»⁷) — осознанно и грамотно блокируются организаторами акций (соблюдается тонкий баланс необходимого и достаточного протестного давления).

В отличие от ставших уже классическими «оранжевых революций» и «майданов», когда с помощью «тарана» крайне радикализированных группировок целенаправленно «сносили» власть, меняя одну элитарную группировку на другую (как правило, представителей национальных элит на «смотрящих» от глобальных элит), движение «желтых жилетов» «заходит» с более высокого уровня системной организации, *соответствующей по уровню сложности институциональному уровню регуляции и управления социумом*. Цель — не «бунт», не смена или «ротация» элитарных группировок как таковых, а мягкая коррекция «социального договора» в пределах сложившегося социального устройства⁸ («зомби-капитализма»).

Важно, что в движении отсутствует выраженный лидер — «доминант», а если и присутствует, то в «мерцающем» режиме: в организации регулярных акций чередуются и дублируют друг друга различные субъекты: как отдельные индивиды, так и социальные группы — партии, движения, группировки, этнические и национальные группы, профсоюзы, радикально настроенная молодежь⁹. Долгое, изнурительное, но устойчивое противостояние между народом и элитами («партия переходит в эндшпиль» — скоро уже год, как «жилеты» проводят акции каждые выходные, варьируя форматы и места проведения) лишь свидетельствует о том, что новые формы социального регулирования начинают проявляться уже на уровне конфликта между глобальными, региональными элитами и народными массами: «Все, что видим сейчас, — это вот

➤ **Победы нет, если человечество не планирует ни победы, ни перехода к «светлому будущему».**

к чему привели 40 лет противонародной политики, война элит против их европейских народов. Истерия власти во Франции доказывает, как и во всей Европе, что они чувствуют, что земля трясется. Это основной урок: власть перепугалась» [18].

Опять же, от выбора точки зрения наблюдателя (квантовой суперпозиции) зависит оценка этого движения: будет ли оно «подаваться» СМИ как очередная «оранжевая революция», инициированная Россией, США и т.д. (суперпозиция от глобальных и региональных элит), или как проявление новых форм социальной регуляции: «Знакомый почерк с привлечением провокаторов и политтехнологов. <...> Вот только власти страны не хотят замечать очевидного, выискивая какие-то другие силы, двигающие демонстрантами. Так, Гриву осудил телеканал *Russia Today* за то, что некоторые протестующие желают с ним общаться, называя „единственным свободным медиа“» [19].

В качестве заключения: как одержать победу?

«Война Шредингера» — война «не человеческая», это «анти-популяционная» стадия информационной войны, это адресная деструкция, направленная на изменение результата квантового перехода от зоопопуляции к психосоциальной формации как метапроцесса высокого уровня сложности (при «переквантовании реальности»), в котором человек играет ключевую роль: когда результаты формирования будущего за-

висят от его осознанной деятельности (прежде всего с использованием новых научных методов и морально-нравственной составляющей).

На тактическом уровне новым и в пределах бесконечно разнообразным методикам «войны Шредингера» можно и нужно противодействовать (это позволит сохранять приемлемый базисный уровень социальной платформы для последующего квантового перехода), но не лоб в лоб (по горизонтали), а обязательно с более высокого уровня системной организации, чем «пришло» и «спустилось» то или иное деструктивное воздействие (симметричные и асимметричные «ответки» неэффективны).

В стратегическом плане победа в «войне Шредингера» будет одержана только при условии проектного создания нового общества на базе *социального государства*: такая победа как явление более высокого уровня сложности (по отношению к кинетическим и гибридным войнам) *зависит от суперпозиции* — победа есть, когда человечество осознанно и в плановом порядке совершает квантовый переход с подготовленной им социальной платформы на основе соответствующего научного подхода; победы нет, если человечество не планирует ни победы, ни перехода к «светлому будущему». ■

ПЭС 19069 / 01.07.2019

Примечания

1. «Внешним проявлением деятельности патологических систем является формирование патологических синдромов <...> в условиях патологии, в частности при эмоциональных стрессах <...> наблюдается растормаживание отдельных функциональных систем, которые на ранних стадиях онтогенетического развития имели адаптивное значение» [4].

2. «Ретроградный — ретроградная, ретроградное; ретрограден, ретроградна, ретроградно (от лат. *retrogradus* — идущий назад) (устар.). Противный прогрессу, реакционный, стремящийся возратить старое» (Толковый словарь Д.Н. Ушакова).

3. «Если какой-либо элемент в функциональной системе перестает отражать адекватную информацию о результате (а отражает что-то иное), то он делается помехой для функционирования системы и немедленно „перечувывается“ (преодолевается) или устраняется пластическими перестройками всей функциональной системы в целом» [6].

4. «Если эмоциональное напряжение продолжается, патологический процесс прогрессирует <...> при длительных и непрерывных эмоциональных стрессах может произойти „прорыв“ слабого звена, и <...> начинает формироваться устойчивый метаболический процесс» [11].

5. «Подобно тому, как отдельные радиоприемники улавливают относящиеся к ним радиосигналы, головной мозг в океане информационных сигналов избирательно реагирует только на специальные, адекватные его свойствам эмоциональные сигналы. Информационные эмоциональные сигналы, по-видимому, улавливаются только субъектами, имеющими к ним специальную аффинность...» «Можно думать о существовании изолированных пространств информационных взаимодействий живых существ, обусловленных их избирательной рецепцией к эмоциональным сигналам» [6, с. 57].

6. М. Тьерри: «Те же самые вооруженные банды, наведенные из крайне левых, не совершали ничего особенно в этот раз, им, судя по всему, тоже дали инструкции — все знают, что они инструменты власти. Мы их хорошо различаем: одеты в черное, спортивные молодые люди с палками» [14].

7. «Дошло в какой-то момент до того, что „желтым жилетам“ пришлось окружить полицейских, дабы предохранить их от гнева еще более радикальных французов, дабы полицейских не разорвали в клочья» [15].

References

1. Timofeev I. *Doklad Myunkhenskoj konferentsii: kto vinovat i chto delat'?* [The Munich Conference Report: Who is to Blame and What to Do?]. VALDAI. Diskussionnyi klub, available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/myunkhen-kto-vinovat/>
2. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A. *Teoriya i tekhnologii sotsial'noi destruktivnosti (na primere "tsvetnykh revolyutsii")* [Social Destruction Theory and Technologies (by an Example of "Color Revolutions")]. Moscow, Russkii biograficheskii institut, Institut ekonomicheskikh strategii, 2016, 433 p.
3. Sundiev I.Yu., Frolov A.B. *Vybor singularnosti* [Choosing Singularity]. *Ekonomicheskie strategii*, 2017, no 4, pp. 180–193.
4. Sudakov K.V. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Moscow, GU NII normal'noi fiziologii im. P.K. Anokhina RAMN, 2007, t. 1, Moscow, 2007, pp. 279–280.
5. Sundiev I.Yu., Frolov A.B. *Ekzogennoe vozdeistvie i razvitie anomal'nykh form sotsial'nogo razvitiya v noveishei istorii* [Exogenous Impact and Anomalous Forms of Society Development in Modern History]. *Ekonomicheskie strategii*, 2014, no 9, pp. 126–141.
6. Sudakov K.V. *Informatsionnyi emotsional'nyi rezonans* [Informational Emotional Resonance]. Moscow, RITs MGGU im. M.A. Sholokhova, 2008, p. 27.
7. Ashmanov I. *Mental'nye epidemii* [Mental Epidemics]. *Zavtra. Blogi*, available at: http://zavtra.ru/blogs/mental_nie_epidemii.
8. Semin K. *ChernoNEbyl'* [Chernobyl]. *Agitatsiya i propaganda*, available at: <https://agitblog.ru/videoblog/chernonebyl.html>.
9. Nikiforova V. *Zapad unichtozhaet svoyu istoriyu* [The West Annihilates its History]. *Vzglyad*, available at: <https://vz.ru/world/2019/4/18/973717.html>.
10. Sundiev I.Yu., et al. *Organizatsionnoye oruzhie v XXI veke* [Organizational Weapons in the 21st Century]. *Doklady Izborskogo kluba*, 2013, no 4.
11. *Informatsionnye mediko-biologicheskie tekhnologii* [Information Biomedical Technologies]. Pod obshch. red. V.A. Knyazheva, K.V. Sudakova. Moscow, GEOTAR-MED, 2002, p. 66.